

По Восточной Пруссии.

Глава I.

Длинная платформа Ейдкуненского вокзала вся покрыта движущейся публикою. Кого только не видно въ этой толпѣ людей, торопливо вышедшихъ изъ русскаго поѣзда!

Пересадка въ нѣмецкіе вагоны и осмотръ вещей нѣмецкими таможенными чиновниками сразу знакомятъ русскихъ пассажировъ съ нѣмецкими порядками.

— Имѣете ли что нибудь? спрашиваетъ таможенный. — Табакъ, чай, папиросы?

— Нѣтъ? Очень хорошо! Наложите наклейку, приказываетъ онъ своему помощнику.

Лишь у заявившихъ или почему либо показавшихся подозрительными производится болѣе подробный осмотръ багажа.

Въ нѣсколько минутъ процедура осмотра окончена.

Около кассы въ порядкѣ вытянулись длинной линіей отъѣзжающіе, берущіе билеты.

— Мнѣ второго класса до Берлина, на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ, говоритъ пожилой русскій, протягивая 25 рублевую бумажку.

— Русскія деньги не принимаются, рѣзко отвѣчаетъ кассиръ.

— Но гдѣ же я могу размѣнять? уже беспокоится пассажиръ, снова стуча въ окошко кассы.

— Не знаю, извините, еще болѣе рѣзко даетъ отвѣтъ кассиръ, выдавая въ тоже время билетъ слѣдующему.

Пассажиръ растерянно оглядывается и безпомощно разводитъ руками, не зная что предпринять, и вдругъ, радостно вскрикнувъ,

бросается къ окошечку напротивъ, гдѣ видна надпись: «Wechsel банк».

Размѣнявъ деньги онъ быстро возвращается и снова становится въ очередь ожидающихъ.

— Отчего же вы мнѣ не сказали, гдѣ можно размѣнять деньги? уже съ укоромъ обращается онъ къ кассиру, получая билетъ и сдачу.

Нѣмецъ долго и внимательно смотритъ прямо въ глаза и затѣмъ быстро отрѣзываетъ.

— Это не входитъ въ число моихъ обязанностей. Вездѣ есть надписи, которыя публика должна читать. Извините...

На курьерскихъ и скорыхъ поѣздахъ публика наряднѣе и состоятельнѣе—ѣдутъ преимущественно люди со средствами лѣчиться, путешествовать и по своимъ дѣламъ.

Расфранченныя дамы, одѣтыя по послѣдней модѣ, плюшъ, мѣха, огромныя страусовыя перья и плерезы. Важнаго вида старики—сановники въ настоящихъ англійскихъ костюмахъ отъ лучшихъ портныхъ. Богатые купцы и промышленники съ еврейскими фizioноміями. Военные генералы, легко узнаваемые по своей выправкѣ. Крупные чиновники.

На пассажирскихъ же поѣздахъ видъ публики нроще: офицеры, учителя, средній купецъ, масса евреевъ, а въ третьемъ классѣ биткомъ набито переселенцами изъ внутреннихъ губерній Россіи, ѣдущихъ со всѣмъ своимъ скарбомъ искать лучшихъ мѣстъ и привольной жизни.

Расположившись прямо на землѣ около вокзала, переселенцы терпѣливо ожидаютъ своего особаго поѣзда, состоящаго исключительно изъ вагоновъ четвертаго класса. Вынувъ кое-какую снѣдь, они тутъ же закусываютъ, запивая водою изъ колодца.

Взрослые мужчины, бабы, дѣти представляютъ собою знакомую русскому картину, которую можно встрѣтить на всѣхъ русскихъ ярмаркахъ.

— Откуда вы? обращаюсь я къ почтенному сѣдому старику, стоящему около рѣшетки и всматривающемуся въ открывающуюся передъ нимъ картину нѣмецкаго города.

— Черниговскіе мы, а вонъ тѣ изъ подь Могилева, словоохотливо отвѣчаетъ старикъ, услышавъ русскую рѣчь.

— Куда же вы путь держите?

— А за границу эту самую, что Аргентиной прозывается. Наши въ позапрошломъ году туда три семьи уѣхали; намъ писали—жить хорошо и земли много. Вотъ и мы за ними снялись.

— И не жалко вамъ съ Россіей то разставаться? недовольнымъ тономъ говорить мой спутникъ.—Стыдно вѣдь свою родину бросать!

Старикъ испуганно смотритъ на него, но сейчасъ же успокаивается и начинаетъ оправдываться.

— Сами посудите, жизнь наша нелегкая, земля плохо родить стала и мало ея, землицы то. Прочли въ одной книжкѣ—хорошо жить въ аргентской заграничѣ, ну и послали своихъ посмотреть. Обжились они тамъ, пишутъ: Земли сколько хочешь и жизнь пріятная. Зимы не бываетъ. Распродались мы и пошли. Какъ прописано такъ и путь держимъ, на Амборгъ городъ, а тамъ по морю, такъ и съ Господомъ дождемъ.

— Намъ это спокойно, а вонъ имъ могилевцамъ то худше нашего, указаль онъ на своего сосѣда.

Плохо одѣтый крестьянинъ лѣтъ тридцати недовольнымъ тономъ тотчасъ же быстро заговорилъ.

— Ужъ чего же хуже, не рады, что и связались съ агентомъ этимъ проклятымъ. Въ прошломъ году еще пришлось быть на базарѣ въ городѣ Могилевѣ. Встрѣтилъ я одного жидка. Поговорили съ нимъ, онъ и началъ обольщать: переселяйтесь, говорить, въ Америку—больно тамъ житье хорошее. Ну я со своими, какъ подумали, рѣшили переселиться. Тотъ же агентъ за 250 руб. взялся доставить до мѣста. Паспортовъ не выправили, не даютъ у насъ—ничего, говорить, обойдемся и безъ нихъ; и дѣйствительно переправили насъ въ ночную пору черезъ границу, а только всеже несчастье вышло: шли мы, анъ, слышимъ, кто то кричить: «стой, стрѣлять буду!»

Не остановились мы и плохо случилось. Какъ ахнетъ тотъ, что кричалъ, изъ ружья, такъ и прострѣлилъ сразу мужика да бабу. Поранилъ ихъ сильно, ну остальные то всѣ перешли.

Теперь, что дальше будетъ не знаемъ...

Я вспомнилъ условія, при которыхъ совершается эмиграція изъ Россіи и не позавидоваль переселенцамъ, попавшимъ въ цѣпкія лапы агента эмиграціонной компаніи.

Развивъ, при помощи особыхъ агентовъ, свою дѣятельность во всемъ Привислинскомъ краѣ, сѣверо и юго-западной Россіи, Галиціи и Буковинѣ, гамбургская эмиграціонная компанія представляетъ собою огромное предпріятіе, зарабатывающее сотни тысячъ рублей на переселенцахъ, которыхъ эксплуатируютъ при этомъ какъ только возможно. Принявъ на себя обязательство по доставкѣ ихъ на мѣсто за крупную сумму и получая въ тоже время особую премію отъ аргентинскаго и бразильскаго правительства за каждаго

доставленнаго переселенца, компанія перестаетъ смотрѣть на нихъ какъ на людей, смотря какъ на кладъ.

Мытарства переселенцевъ очень велики: сплошь и рядомъ при врачебномъ осмотрѣ передъ посадкой на пароходы они признаются не вполнѣ здоровыми и тогда для полученія права отъѣзда долгое время должны работать за самую незначительную плату на компанію.

Въ еще худшемъ положеніи находятся эмигранты-рабочіе, доставляемые въ Германію и несущіе тамъ самый тяжелый трудъ въ имѣніяхъ и на фабрикахъ, гдѣ ихъ страшно эксплуатируютъ и прижимаютъ при расчетахъ.

Поѣздъ отходитъ безъ звонковъ по одному лишь знаку начальника станціи.

Мы располагаемся въ купе для курящихъ, въ которомъ помѣстилось нѣсколько человекъ нѣмцевъ, различнаго общественнаго положенія. Крѣпкій запахъ нѣсколькихъ закуренныхъ сигаръ затрудняетъ дыханіе, а дымъ ихъ заволакиваетъ все отдѣленіе вагона.

Мимо насъ мелькаютъ обработанныя поля. Красивые одноэтажные кирпичные домики съ красными черепичатыми крышами среди нихъ, окруженные кирпичными же надворными строеніями, все вмѣстѣ взятое придаетъ особенно привѣтливый видъ окрестностямъ.

Полотно желѣзной дороги, отлично содержимое и усыпанное мелкимъ камнемъ, съ обѣихъ сторонъ обсажено подстриженною живою изгородью изъ густыхъ елокъ, стѣною поднимающихся на всемъ протяженіи.

Небольшія станціи поражаютъ полнымъ отсутствіемъ на плотформахъ большого числа служащихъ, изъ которыхъ вездѣ лишь виднѣтся одинокая фигура начальника станціи, да на очень большихъ изрѣдка появляется фигура жандарма.

Одѣтые въ визиткахъ, скуртукахъ и шляпахъ мѣстные крестьяне имѣютъ видъ нашихъ горожанъ средняго класса. Кое-гдѣ мелькаетъ блестящій цилиндръ, принадлежащій обыкновенно школьному учителю—большой особѣ въ деревенской жизни, пользующейся общимъ уваженіемъ.

Толстый господинъ, повидимому помѣщикъ, сидѣвшій противъ меня, оказался крайне словоохотливымъ собесѣдникомъ, съ которымъ мы скоро разговорились.

— Вотъ посмотрите сейчасъ мы пріѣдемъ въ Гумбиненъ, тамъ сегодня большой праздникъ учащихся въ мѣстныхъ гимназіяхъ и школахъ. Очень весело и интересно.

— Въ чемъ же заключается этотъ праздникъ? поинтересовался я.

— Соберутся всѣ ученики со своими учителями на городской площади, а потомъ подъ звуки оркестра ходятъ, какъ военные, по улицамъ, а вечеромъ устраиваютъ факельное шествіе. Всѣ люди смотрятъ и радуются. Самъ ландратъ къ нимъ выходитъ и рѣчь говорить, благодарить за сдѣланные успѣхи въ наукахъ. Учителя потомъ собираются въ ресторанъ—пиво пьютъ и слушаютъ музыку.

— Много ли собирается учениковъ?

— Очень и очень много. Вы вѣроятно не знаете, какъ много у насъ низшихъ школъ, не считая гимназій? съ гордостью отвѣтилъ помѣщикъ.—Мы расходуетъ ежегодно около 500 мил. марокъ на наши народныя школы, въ томъ числѣ 60 мил. марокъ на постройку новыхъ школьныхъ зданій. Такимъ образомъ каждый изъ насъ платитъ около 12 марокъ налога на школы и почти столько же на армію, расходъ на которую опредѣляется около 600 мил. марокъ ежегодно.

Въ Гумбиненѣ невдалекѣ отъ вокзала гремѣла музыка и слышались громкіе возгласы. На платформѣ виднѣлось большое количество публики, въ общемъ очень скромно одѣтой. Масса нижнихъ чиновъ различныхъ воинскихъ частей въ собственныхъ мундирахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ гуляли со своими дамами. Вытянувшись при встрѣчахъ съ офицерами, они, пройдя мимо, продолжали свой непринужденный разговоръ, курия сигары. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли за кружками пива въ пассажирскомъ залѣ и, вставъ при входѣ офицера, тотчасъ же занимали свои мѣста, продолжая прерванную бесѣду и куренье.

Гумбиненъ, насчитывающій до 50 т. жителей, считается губернскимъ городомъ, служа мѣстопробываніемъ ландрата, т.-е. губернатора. Пѣхотная бригада, два эскадрона уланъ и артилерійская батарея составляютъ его гарнизонъ.

Широкая площадь, являющаяся центромъ города, окружена высокими четырехъ этажными домами, которые протянулись также по нѣсколькимъ улицамъ, поражающимъ своею изумительною чистотою.

— Посмотрите-ка, указываетъ мой спутникъ, а вѣдь у нихъ даже мостовыя половыми щетками подметають; не то что у насъ.

Я невольно обращаю вниманіе на цѣлую шеренгу женщинъ, преимущественно старухъ, которыя, аккуратно подметая улицу, собирали весь соръ въ особыя корзины.

— Каждый день метуть? спрашиваю я, внимательно разсматривающаго насъ, какого то нѣмца-лавочника.

— Да, господинъ, а когда бываютъ ярмарки, то метуть два раза въ день и кромѣ того поливаютъ еще улицы водою, отвѣчаетъ онъ, окидывая насъ удивленнымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

Окруженные высокою рѣшеткою виднѣются зданія казармъ, на дворѣ которыхъ производится какое то ученіе. Мы подходимъ ближе и останавливаемся.

Одѣтая въ старыя заношенныя фуражки безъ козырьковъ, въ грубыхъ сѣрыхъ полотняныхъ курткахъ и такихъ же штанахъ на выпускъ, рота пѣхотинцевъ занимается гимнастикой. Прыганье черезъ веревочку, перелѣзаніе забора, подтягиваніе на рукахъ тяжелы, и люди въ общемъ поражаютъ отсутствіемъ ловкости.

— Судя по времени года, это не новобранцы, а старые, дѣлится Б своими впечатлѣніями. — Въ общемъ гимнастика повидимому стоитъ не важно. Отчего это?

Я не успѣваю отвѣтить, какъ сзади раздается какой то внушительный голосъ, очевидно, обращенный къ намъ. Мы поворачиваемся и встрѣчаемся носъ съ носомъ съ жандармомъ.

— Здѣсь останавливаться запрещено, рѣзко говоритъ онъ. — Проходите впередъ, иначе заплатите штрафъ.

— Но мы не знали, пробую протестовать я противъ не вполне вѣжливаго обращенія.

— Здѣсь есть надпись, указываетъ онъ на дощечку, которую мы не догадались прочесть. — Осмотрѣвъ казармъ и присутствіе на занятіяхъ не разрѣшается... Впередъ! снова уже съ раздраженіемъ добавляетъ жандармъ, указывая рукою на другую сторону улицы.

Мы переходимъ и я, обращаясь къ Б, не могу не высказать своего восхищенія.

— Какъ ни говорите, а у нихъ это правильно установлено. Безъ разрѣшенія на занятія войскъ смотрѣть нельзя. Зачѣмъ давать возможность подмѣчать недостатки? Намъ вообще слѣдуетъ учиться у нѣмцевъ многому, въ отношеніи охраненія всякихъ военныхъ секретовъ. У нихъ вѣдь все, что только прямо или даже косвенно касается арміи, составляетъ тайну. Войска можно видѣть лишь на парадѣ. Тогда ихъ свободно можетъ разсматривать частная публика.

Черепичатыя остроконечныя крыши, особаго типа фронтоны и мансарды на верху придаютъ всему городу особый видъ, а палисадники съ растительностью и массою цвѣтовъ лѣтомъ очень украшаютъ всѣ городскія улицы.

Съ утра туманная погода къ полудню прояснилась и солнце выгля-

нуло изъ за тучъ какъ будто, чтобы посмотрѣть на парадъ школь, вышедшихъ изъ-за угла на главную улицу. Впереди видѣлся знаменщикъ съ ассистентами, несшій большое знамя, за которымъ, наигрывая веселый маршъ, показался оркестръ, а затѣмъ, лихо отбивая ногу, проходили вдвоенными рядами колонны учениковъ. Учителя шли на флангахъ въ цилиндрахъ и фракахъ, поражая особой серьезностью лицъ. Сотни дѣтей продефилировали передъ нами, повидимому съ особеннымъ удовольствіемъ участвуя въ этомъ парадѣ и щеголяя другъ передъ другомъ своею выправкою.

Вечеромъ, сидя въ ресторанѣ, мы любовались факельнымъ шествіемъ, въ которомъ принимали участіе не только учащіяся и учителя, но и большое число горожанъ.

Держа на длинныхъ палкахъ цвѣтные фонари и факелы двигалась подъ музыку безконечная вереница людей по четыре въ рядъ. Гремѣла музыка. Взвивались ракеты и, освѣщая разноцвѣтными бенгальскими огнями шествіе, вездѣ сновали мальчишки, вызывая одобрительные возгласы публики.

— Это большой праздникъ, но еще интереснѣе день тезоименитства нашего императора—тогда ужъ бываетъ особенный праздникъ, въ которомъ участвуютъ всѣ общества и горожане, со своими цеховыми знаменами, рассказываетъ намъ владѣлецъ ресторана, останавливаясь около насъ и видимо желая вступить въ разговоръ.— Каждое общество также имѣетъ свое знамя и музыку. Весело тогда смотрѣть, весь городъ иллюминированъ.

— А много ли у васъ бываетъ такихъ праздниковъ?

— Нѣтъ: Рождество, Пасха, день рожденія императора, день объединенія Германіи—всего четыре дня въ году и еще всѣ воскресенья. Хотя у каждаго общества есть также свой праздникъ, но оно празднуетъ его въ одно изъ воскресеній.

Нѣсколько офицеровъ появились въ ресторанѣ и, пройдя черезъ общую залу, заняли мѣста въ небольшой отдѣльной комнатѣ и потребовали пива и сигаръ. Нѣкоторые изъ нихъ взявъ домино, начали игру, тихо ведя разговоры и держась, повидимому, совершенно отдѣльно отъ горожанъ.

Глава II.

Отъ Гумбинена до Инстербурга поѣздъ проходитъ быстро нѣсколько станцій, расположенныхъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи.

Мы, сидя въ вагонѣ микстъ, половина котораго занята третьимъ классомъ, видимъ сидящихъ въ немъ: старикъ съ длинною бородою и типичнымъ русскимъ лицомъ что-то рассказываетъ по-нѣмецки своимъ собесѣдникамъ. Рѣжущая ухо неправильная нѣмецкая рѣчь его внезапно прерывается и онъ совершенно неожиданно ее оканчиваетъ по-русски:

— Значить Господь захотѣлъ... Его на то воля.

Невольно встаю и подхожу къ двери.

— Вы русскіе? спрашиваю старика.

— Русскіе, православные. Самые взаправдошные, отвѣчаетъ онъ, подозрительно поглядывая на меня.

— Откуда же вы ѣдете?

— Мы здѣшніе, живемъ въ нѣмецкой державѣ издавна. Теперь въ городъ ѣздили по своему дѣлу.

— Какимъ же образомъ вы попали за границу? снова задаю вопросъ, садясь на скамейку.

— Мы то? Давнее то время. Прадѣды наши жили въ Могилевской губерніи и по старой вѣрѣ Богу молились, а только еще чать при Царѣ Петрѣ раззорили ихъ, они и ушли первоначалу въ Польшу. Тамъ пожили не мало, да потомъ, какъ Польша подъ русскую руку стала, не захотѣли въ Рассеѣ жить и въ нѣметчину подались. Тутъ нѣмецкій царь дѣдамъ землю отвелъ и поселились они отъ самаго града Гумбинова до Тизита. Нѣсколько сотъ человекъ тогда пришло, а теперь тысячи двѣ насъ русскихъ есть здѣсь, только православныхъ-то осталось не больше половины, а остальныхъ на единовѣрїе смутили. Слышали такой былъ епископъ, Павелъ Прусскій прозывался? Вотъ онъ все и верховодилъ и отъ православія многихъ отторгнулъ: побольше ста годовъ было это. А теперь они на русскую сторону тянутъ. Въ Вержболово ѣздить, въ церковной лавкѣ образа покупаютъ и священникъ изъ Берлина православный къ нимъ ѣздитъ. А мы по старинѣ отъ нихъ отдѣльно держимся.

— Какъ же живется вамъ въ Германіи?

— А, ничего, насъ не обижаютъ, грѣхъ сказать, только плохо, что молодежь языкъ свой русскій забывать стала. Съ нѣмецкимъ мѣшаеть, ну и табакъ въ ходъ пошелъ. Наши, что по древнему благочестію живутъ, еще держатся, ну, а единовѣрцы пошли на убыль. Наши начетчики, если что замѣтятъ, сейчасъ же начаютъ, ну, а единовѣрцы за глазами. Пастырскихъ далеко, они сами по себѣ и живутъ. Теперь прощайте—выходить мнѣ надо, добавилъ внезапно старикъ, собирая свои вещи и выходя на станціи.

Жизнь этихъ коренныхъ русскихъ людей, ушедшихъ изъ Рос-

си, на чужбинѣ до крайности интересна, но болѣе подробныхъ свѣдѣній мнѣ получить не удалось.

Большой вокзалъ въ Инстербургѣ, являющійся узломъ нѣсколькихъ линій, пріятно радуется глазъ своимъ благоустройствомъ и величиною. Просторныя высокія залы для публики, съ порядочнымъ рестораннымъ буфетомъ, уставленные столиками съ массою сидящихъ около нихъ пассажировъ, вызвали невольное желаніе воспользоваться временемъ для обѣда. За однимъ изъ столиковъ оказалось два свободныхъ мѣста, которыми мы и воспользовались, испросивъ разрѣшенія у сидѣвшихъ около него пассажировъ.

Разговоръ за столомъ шель по-нѣмецки. Плотный, съ бритыми усами, штатскій, волнуясь, что-то доказывалъ своимъ сосѣдямъ.

— Совершенно правилень этотъ расходъ на колонизацію Восточной части Пруссіи и Познани. Такъ должно продолжаться и въ будущемъ, а социаллисты совершенно напрасно противъ него протестуютъ. Въ такихъ случаяхъ необходимо поддерживать правительство въ его начинаніяхъ, носящихъ чисто національный характеръ. Посмотрите здѣсь въ послѣднемъ номерѣ газетъ точно указаны всѣ цифры, добавилъ онъ, вставая вмѣстѣ съ другими и торопясь не пропустить свой поѣздъ. Лишь одинъ изъ нихъ остался за столикомъ и почти сейчасъ же заговорилъ, уже обращаясь къ намъ непосредственно.

— Это онъ все доказываетъ правильность послѣдняго ассигнованія правительства на колонизаціонныя надобности. Но сами подсудите, какова дѣятельность правительства по отношенію поляковъ. Въ семидесятихъ годахъ былъ учрежденъ особѣй фондъ въ 100 мил. марокъ, для колонизаціи Познани и Восточной Пруссіи нѣмцами путемъ покупки земель, которыми владѣли поляки. Въ 1890 г. онъ уже увеличенъ до 200 мил. марокъ. Въ 1902 г.—фонды этой комиссіи увеличены до 350 мил. марокъ, а въ 1904 г. помимо этого уже состоялось запрещеніе объ образованіи какихъ бы то ни было новыхъ поселеній въ этихъ мѣстахъ, безъ предварительнаго одобренія, что они не находятся въ противорѣчій съ цѣлями колонизаціонной комиссіи. Въ 1908 г. фонды комиссіи вновь увеличены на 200 мил. марокъ, достигнувъ цифры 550 мил. марокъ, и въ тоже время изданъ законъ, по которому правительству предоставлено было право принудительнаго отчужденія земельныхъ участковъ, не превышающихъ 70.000 гектаровъ, а Восточная Пруссія и Познань изъяты изъ дѣйствія закона о школьной автономіи. Въ 1908 же году запрещено употребленіе не нѣмецкаго языка на общественныхъ собраніяхъ, причѣмъ разрѣшено было употреблять въ тече-

не еще 20 лѣтъ польскій языкъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ польское населеніе составляетъ 60% всего населенія; наконецъ, теперь колонизаціонный фондъ увеличенъ еще на 230 мил. марокъ, достигнувъ колоссальной цифры, т.-е. 780 мил. марокъ. Такимъ образомъ вы видите планомѣрную работу къ уничтоженію всего польскаго населенія въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, гдѣ уже теперь никто даже не понимаетъ по-польски. Это прямо чудовищно и мы протестуемъ противъ такихъ мѣръ. Вѣдь вы русскіе и у васъ въ Россіи ничего подобнаго не продѣлываютъ по отношенію поляковъ. У васъ есть справедливость къ покореннымъ племенамъ, а мы ведемъ свою тяжелую и несправедливую политику.

— А вы сами какой національности? спросилъ я его, чтобы вызвать на дальнѣйшій разговоръ.

— Я баварецъ и ничего не имѣю общаго съ этими пруссаками, сердито отвѣтилъ онъ, выпивая почти залпомъ огромный куфель пива.—Мы поднимаемъ свой голосъ во имя правды и справедливости.

Отъ Инстербурга мѣстность рѣзко измѣнилась и вмѣсто глинистой, прекрасно раздѣланной, почвы стали попадаться цѣлыя площади песчаныхъ полей съ крайне бѣдною растительностью, а кирпичные домики мызъ и фольварковъ съ черепичатыми кровлями уступили мѣсто сѣроватымъ деревяннымъ домикамъ подъ соломенными крышами.

— Обратите вниманіе—это все польскія деревни, въ которыхъ ремонтировать деревянныя зданія подъ соломенною крышею запрещается, а такъ какъ у населенія нѣтъ средствъ на постройку кирпичныхъ домовъ, то поэтому оно ихъ продаетъ правительству, а само переселяется въ Америку или въ Россію.

Проѣзжая близко около этихъ предназначенныхъ къ уничтоженію селеній, невольно приходилось поражаться бѣдностью, выглядывавшею изъ-за каждаго угла. Покосившіяся хаты, плохой непородистый скотъ и лошади производили непріятное впечатлѣніе.

Равнина между тѣмъ понижалась и чувствовалась близость моря, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали встрѣчаться постройки вродѣ дачъ, указывавшія на присутствіе невдалекѣ большого города. Дѣйствительно черезъ полчаса вдаль показались силуэты городскихъ домовъ, областного города Тильзита.

Широкая полоса заливныхъ болотистыхъ луговъ промелькнула передъ нами, а затѣмъ впереди открылась довольно значительная рѣка Мемель, протекающая въ Россіи по Ковенской губерніи, нося названіе Нѣмана.

Длинный желѣзнодорожный мостъ съ предмостнымъ укрѣпленіемъ довольно долго мелькалъ своими рѣшетчатыми чугунными связями, сквозь которыя видѣлись многочисленныя пароходы и баржи, стоявшіе на якоряхъ. Рыбачьи лодки, прикрѣпленныя къ берегамъ, указывали на рыболовство, существующее на этой рѣкѣ. Масса плотовъ съ дровами и бревнами, причаленныя къ берегу, разбирались и складывались въ штабели.

— Отъ васъ все изъ Россіи вывозимъ, больше всего папирхольца, т.-е. дерева для изготовленія писчей бумаги. Ну и на постройки также. Мы же свои лѣса, которыхъ у насъ мало очень, бережемъ, сталъ мнѣ пояснять словоохотливый сосѣдь. — Вѣдь у васъ не цѣнятъ лѣсовъ и все продаютъ. Скоро вся Западная Россія превратится въ безлѣсную мѣстность и вы у насъ будете его покупать.

Старый Тильзитъ не разъ видѣлъ русскія войска, начиная съ Семилѣтней войны, когда въ немъ жилъ русскій губернаторъ и стояли на квартирахъ части русской арміи, занимавшія Восточную Пруссію разновременно съ 1757 по 1760 года.

Въ 1807 году послѣ Фридландскаго боя вся русская армія проходила черезъ городъ, переправившись черезъ Нѣманъ, а затѣмъ 13-го іюня среди этой же рѣчки на особо устроенномъ плоту состоялось свиданіе Императора Александра I и Наполеона, закончившееся Тильзитскимъ мирнымъ договоромъ, не безвыгоднымъ для Россіи, вслѣдствіе пріобрѣтенія Вѣлостокской области, части Финляндіи и Бессарабіи. Позднѣе въ 1813 году, преслѣдуя войска Макдональда, защищавшаго Кенигсбергъ, снова двигались русскіе отряды черезъ Нѣманъ, проведя долгое время въ Тильзитѣ, превратившемся въ одинъ изъ этапныхъ пунктовъ русской арміи.

Не потому ли жители Тильзита относятся съ большими симпатіями къ русскимъ, а русскій языкъ довольно распространенъ между населеніемъ, въ особенности между евреями и тѣми нѣмцами, которые ведутъ торговля дѣла съ Россіей?

Главные города этого округа, Гумбиненъ, Инстербургъ, Столупяны, долгое время во всѣ наши войны служили также этапными пунктами русскихъ, причемъ, по сообщенію одного изъ мѣстныхъ любителей исторіи края, въ архивахъ городскихъ ратушъ всѣхъ этихъ городовъ хранится много всякихъ книгъ и бумагъ, принадлежавшихъ стоявшимъ здѣсь русскимъ полкамъ съ 1757 по 1760 гг., оставившихъ ихъ при возвращеніи въ Россію. А въ библіотекѣ Кенигсбергскаго университета есть и много русскихъ документовъ, касающихся времени Семилѣтней войны и завоеванія Восточной Пруссіи Россією.

Своеобразныя постройки какъ бы подчеркиваютъ старину города, какимъ является Тильзитъ, пережившій много вѣковъ. Узкія сравнительно улицы, высокіе сѣрые дома, чисто нѣмецкой архитектуры, производятъ особое впечатлѣніе и носятъ отпечатокъ старины.

Удивительная чистота улицъ и площадей вызывала невольную зависть этими наглядными доказательствами умѣнія устроить какъ слѣдуетъ жизнь городского населенія въ особенно благопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ.

Красивый паркъ, скверы и палисадники съ растительностью, на которой замѣтенъ хорошій за нею уходъ, оживляютъ общій мрачный колоритъ всего города. Старинная городская ратуша, нѣсколько зданій бывшихъ владѣній богатыхъ польскихъ магнатовъ, костелъ и кирки представляли собою остатки прежней жизни, какъ бы конкурируя съ которой протянулись кверху высокія трубы фабрикъ и заводовъ, разбросанныхъ по окраинамъ и предмѣстьямъ города.

Трамваи довольно медленно двигаются по улицамъ, на которыхъ сравнительно немного экипажей, запряженныхъ преимущественно парами въ шорахъ, хотя встрѣчаются и одиночки.

Отбивая шагъ проходитъ какая-то пѣхотная рота по главной улицѣ, но, свернувъ въ переулокъ, въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ свою стройность. Отдѣльно проходящіе солдаты хорошо одѣты, отличаясь какою-то натянутостью въ выправкѣ.

Отлично устроенныя больницы блещутъ чистотою своихъ оконъ, лѣстницъ и дворовъ.

— Есть ли какія либо достопримѣчательности въ городѣ? интересуясь я.

— О, да, комнаты въ замкѣ, въ которомъ жили Наполеонъ, Александръ I, Фридрихъ и Вильгельмъ. Но теперь туда не пускаютъ, такъ какъ производится ремонтъ. Затѣмъ есть много старыхъ домовъ, въ которыхъ когда-то стояли русскія войска, и много еще есть людей, слышавшихъ объ этомъ времени отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Сѣрый туманный день и слегка моросившій временами мелкій дождь заставлялъ прекратить прогулку и искать убѣжища въ ресторанѣ.

Красивая отдѣлка залъ далеко не отвѣчала довольно безвкусно приготовленнымъ кушаньямъ нѣмецкой кухни, но при этомъ невольно поражала сравнительная дешевизна обѣда, принявъ во вниманіе дороговизну мяса, доходящую до 40 коп. за фунтъ, далеко не первосортнаго.

— Спросите жаркое гуся—теперь какъ разъ самый гусиный

сезонъ, посовѣтоваль знакомый нѣмецъ докторъ, съ которымъ мы встрѣтились.

— Почему гусиный?

— Да развѣ вы не знаете, что ежегодно съ августа и по декабрь миллионы гусей привозять по желѣзной дорогѣ и приносятъ по проселочнымъ дорогамъ изъ Россіи въ Германію, откуда лишь часть идетъ во Францію, Бельгію и Голландію, а остальные поступаютъ въ нѣмецкіе желудки? Хороши русскіе гуси—жалъ, что вамъ навѣрное ихъ рѣдко приходится ѣсть, ибо ихъ вѣроятно всѣхъ вывезть.

Я успокоилъ нѣмца, увѣривъ, что Россія такъ велика, что и на долю населенія остается ихъ достаточно, хотя въ то же время невольно посѣтоваль, зная, что этотъ вывозъ приноситъ наибольшую выгоду евреямъ-комиссіонерамъ и нѣмцамъ, оставляя самую незначительную часть въ карманахъ русскихъ сельскихъ хозяевъ. не принося даже никакой пользы государственной казнѣ. такъ какъ гуси вывозятся беспошлинно.

Вмѣстѣ съ этимъ пришлось вспомнить тотъ ежегодный колоссальный выводъ лошадей, преимущественно лучшихъ сортовъ, которыя постоянно въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ головъ выводятся въ Германію, давая съ одной стороны нѣмцамъ доходъ отъ пошлины въ количествѣ до 30 руб. отъ лошади, а съ другой—снабжая ихъ артилерійскія части отличными лошадьми и уменьшая въ тоже время число хорошихъ лошадей для этой же надобности въ Россіи. Въ то же время этотъ вывозъ лошадей также не даетъ ни гроша дохода русской казнѣ, такъ какъ онѣ вѣроятно пошлиною не обложены.

Конскія ярмарки городовъ Восточной Пруссіи и въ томъ числѣ Тильзита всегда переполнены приведенными на продажу русскими лошадьми не только упряжного, но и легко-верхового сорта, пригодныхъ въ ремонтъ германской кавалеріи.

Отличительная особенность нѣмцевъ—это ихъ любовь къ хорошимъ лошадямъ. Прекрасно кормленныя лошади, встрѣчающіяся не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ, производять особенно пріятное впечатлѣніе породистостью и внѣшнимъ видомъ, а правительство въ особенности стремится къ улучшенію породы рабочей лошади, устраивая цѣлую сѣть случныхъ пунктовъ для пользованія главнымъ образомъ сельскимъ населеніемъ... достигнувъ въ этомъ случаѣ большихъ результатовъ.

Значительныя площади луговъ даютъ возможность развить въ этомъ районѣ Пруссіи довольно большое подворное коневодство.

Отъ Тильзита линія желѣзной дороги идетъ по песчаной и болотистой равнинѣ съ хуторами и деревнями польскаго населенія. Плохо обработанныя поля, деревянныя, соломою крытыя, постройки, совершенно такія же, какъ и въ прилегающей Ковенской губерніи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и гораздо хуже.

Бѣдная природа и бѣдный край, не имѣющій возможности улучшить свое сельское хозяйство, вслѣдствіе дурной песчаной почвы, на которой хлѣба рождаются очень плохо.

Сѣдой, почти бѣлый капитанъ въ артилерійской формѣ сѣлъ въ вагонъ вмѣстѣ съ нами.

Взявъ подъ козырекъ и сказавъ традиціонное привѣтствіе «Morgen», онъ тотчасъ же, назвавъ свой чинъ и фамилію, представился намъ.

Закуривъ сигару и посматривая своими тусклыми, будго свинцовыми, глазами, онъ, освѣдомившись о цѣли нашего путешествія, крайне любезно предложилъ, если мы не найдемъ лошадей, назначить ихъ.

— Но развѣ вы можете распоряжаться лошадьми населенія? удивился я.

— О да, вѣдь я состою въ должности войта гмины по административному управленію, а прежде до выхода въ отставку служилъ въ артилеріи. Теперь же я въ своей формѣ только потому, что моя батарея провожала своего командира, получившаго новое назначеніе, и поэтому всѣ служившіе обязаны въ такомъ случаѣ присутствовать. Тоже самое, когда прибудетъ вновь назначенный командиръ, мы всѣ отставные, носящіе мундиры этой части, должны ему представиться.

— Такъ что военную форму вы носите не постоянно?

— О нѣтъ. Только въ высокаторжественные дни и при представленіяхъ начальству. Въ остальное время я одѣваюсь, какъ и всѣ отставные, въ штатское, хотя за свои поступки мы подлежимъ суду чести своей части и вообще съ нею всегда сохраняемъ крѣпкую связь. Кромѣ того всѣ отставные каждаго округа образуютъ особое общество, въ которое входятъ и нижніе чины.

Ежегодно у насъ бываетъ большой парадъ, на который всѣ являются въ своихъ мундирахъ, при оружіи со своимъ оркестромъ, а вечеромъ въ этотъ день устраивается балъ.

Отъ станціи Люкемень до русской границы и далѣе до мѣстечка Таурогена ходятъ особыя каретки.

Широкое, отлично содержимое шоссе, при ѣздѣ на хорошихъ лошадяхъ, доставляетъ удовольствіе.

На горизонтѣ вдали виднѣется густая полоса лѣсовъ, принадлежащихъ къ имѣнію князя Васильчикова. На самой границѣ раскинулось небольшое нѣмецкое мѣстечко; далѣе до границы шоссе пролегалo по открытой мѣстности.

Массивные кирпичные пограничные столбы, съ литыми двуглавыми орлами—Екатерининскаго рисунка, указываютъ, что это мѣсто границы было разграничено между Россіей и Пруссіей еще при первомъ раздѣлѣ Польши.

Отъ границы и до Таурогена по обѣимъ сторонамъ дороги виднѣются перелѣски, соединяющіеся вдали съ вѣковымъ лѣсомъ.

Вправо виднѣется усадьба маіората съ винокуреннымъ заводомъ, окруженная вѣковымъ дубовымъ паркомъ, насаженнымъ въ давно прошедшія времена однимъ изъ польскихъ магнатовъ, которому принадлежало раньше это имѣніе.

Чугунный длинный мостъ, новѣйшей конструкціи, перекинуть черезъ рѣку Юру, являющуюся притокомъ Нѣмана.

Противоположная лѣвая сторона рѣки господствуетъ надъ правой, и среди зелени растительности красиво виднѣется церковь, костель и дома мѣстечка, представляющаго собою торговый пунктъ этого района Ковенской губерніи.

Таурогень, насчитывающій около 5.000 населенія, раскинулся широко вдоль шоссе отъ самаго подъема на гору, гдѣ невдалекѣ отъ церкви открывается памятникъ Императору Александру II, а далѣе, среди зелени привольно разросшагося палисадника, виднѣется старинное трехэтажное зданіе таможи, построенное больше столѣтія тому назадъ и видѣвшее проѣздъ Императора Александра I, который останавливался въ зданіи прежней почтовой станціи, нынѣ почтоваго отдѣленія, гдѣ сохранилась въ комнатѣ часть прежней исторической обстановки.

Памятникъ Александру I, а затѣмъ Александру III противъ волостнаго правленія указываетъ не только на историческій характеръ этого мѣстечка, но и на работы общества и администраціи по устройству ихъ.

Масса небольшихъ домиковъ и лавочекъ еврейскаго населенія со специфической грязью окружаютъ нѣсколько домовъ новѣйшей постройки съ общественнымъ собраніемъ на главной улицѣ.

Рядъ трактировъ, кинематографовъ, выѣски должностныхъ лицъ, складовъ земледѣльческихъ машинъ, банка, какъ бы подчеркиваетъ значеніе этого мѣстечка въ жизни края, соединеннаго шоссе съ мѣстечкомъ Шавли и пароходствомъ отъ Юрбургъ до Ковно по рѣкѣ Нѣману.

Дождь, какъ сквозь сито моросить съ ранняго утра, густой туманъ поднимается надъ землею, служа указателемъ сырости климата. Жизнь общества монотонна. Сбрая, какъ этотъ туманъ, мало интересна.

Въ непогоду, когда сильный сѣверный вѣтеръ пролетаетъ по лѣсамъ, старые дубы великаны, перешептываясь, вспоминаютъ далекое время, когда въ этихъ мѣстахъ литовскіе ряды отбивались отъ нѣмецкихъ отрядовъ, дѣлавшихъ набѣги, предавая всѣхъ жителей огню и мечу, а позднѣе, съ проведеніемъ русско-германской границы, ихъ потомки вели такую же безпощадную войну съ пограничниками и водворяя большіе транспорты съ контрабандными товарами и вступая въ бой, пробивались черезъ линію, наживая огромныя состоянія этимъ способомъ.

Цѣлый рядъ деревянныхъ крестовъ, поставленныхъ вдоль границы, напоминаютъ о тѣхъ храбрецахъ, которые въ этой неравной борьбѣ, погибли, защищая свою грудь интересы государя и родины.

Проѣхавъ по небольшой части Восточной Пруссіи, невольно вспоминаешь, что вся эта земля была населена славянскими племенами, отъ которыхъ почти никого не осталось: все поглотила нѣмецкая народность, смѣшавшаяся со славянами. Лишь кое-гдѣ въ названіяхъ мѣсть, рѣкъ и городовъ слышатся славяно-русскіе корни, передѣланные на нѣмецкій ладъ: Новгородъ—Нейгардъ, рѣка Ильмень—въ Ильменау, Гданскъ—въ Данцигъ, Ютробогъ—въ Ютробергъ. Грустно сознавать, что нѣмецкое море затопляетъ славянскія земли и постепенно, вмѣстѣ съ новыми всплесками, въ сѣверо-западную Россію выбрасываются сотни нѣмцевъ, скупающихъ земли въ Ковенской и Виленской губерніяхъ.

Лошади готовы, и мы черезъ нѣсколько минутъ выѣзжаемъ изъ Таурогена по ужасной развѣзженной дорогѣ.

Д. Логофетъ.

